

«Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг

Историки древней русской литературы изучали ее памятники, большую частью исходя из потребностей иных, хотя и смежных с нею, дисциплин. Этими памятниками, после филологической обработки их, то пользовались как историческим источником вообще, то как материалом для культурно-исторических, а чаще — церковно-исторических построений; их комментировали — а теперь этот прием снова стал модным — с точки зрения социологической, порою переступая границы научной трактовки вопроса и впадая в ничем не прикрытую публицистику. С точки зрения временной «целесообразности» я не могу отрицать возможности такого «подхода» к литературному материалу; но вместе с тем полагаю, что давно уже пора отойти от представления о словесном творчестве, как о чем-то служебном, а не как о самостоятельной отрасли художественной деятельности, и к памятникам древнерусским отнестись, как к памятникам «словесного искусства» (хотя бы и чуждой нам и далекой эпохи), каковыми они являются прежде всего.

Только подходя к памятникам древнерусской литературы с этой последней точки зрения, мы увидим их специфические черты и разглядим в них следы обусловленности их различными факторами. По завершении этой работы созреет момент и для социологического истолкования этих продуктов художественного творчества в слове.

Между тем изучению художественной стороны древнерусских памятников словесности посвящено, скажем прямо, ничтожное количество работ, да и те имеют значение, как подготовительные, а — порою совершенно случайны, являясь как бы привеском к работе ученого автора, преследующего совершенно иные, культурно-или церковно-исторические цели.

Хотя для русского историка древней русской литературы осталось еще немало работы по разысканию, критическому изучению и изданию памятников, все же, думается, история создания памятников, изучение композиции и стиля их — является

одной из очередных задач русских филологов, не пренебрегающих стариною. Исследование истории древнерусского словесного искусства отчасти усложняется тем обстоятельством, что и композиция, и стиль, вообще художественный язык древнерусских памятников оригинальных — были подсказаны, как можно уже догадываться а priori, — в значительной степени византийскою литературою. А отсюда становится ясно, что при наличии такой зависимости древнерусской оригинальной от переводной — стилистический анализ памятников первой должен исходить из наблюдений над памятниками второй и всегда базироваться на сравнительном изучении художественного языка переводных памятников и оригинальных, которые иногда могут оказаться подражательными в гораздо большей мере, чем это кажется на первый взгляд. Примером может служить наша древняя летопись, где даже некоторые события, по обследованию стилистической стороны ее, — оказываются заимствованными стилистическими формулами.¹

При этом становится понятно, почему при стилистическом анализе древнерусских памятников среди возможных «образцов» из области переводной литературы должны стоять памятники наиболее известные русским грамотеям, наиболее авторитетные и влиятельные, самое подражание которым было естественным следствием их, так сказать, «законодательного» значения: одним словом — надо начинать с изучения стилистических особенностей славянского перевода библейских книг ветхого и нового завета, а затем — книг, обычно употреблявшихся в богослужении.

В предыдущих моих работах я неоднократно касался вопроса об отношении языка и стиля «Слова о полку Игореве» к языку и стилю библейских книг.² «Слово» создано почти через 200 лет после официального водворения христианства на Руси; но нет сомнения, что славянские библейские книги были известны среди русских славян, особенно среди имущего и более культурного слоя их, еще задолго до крещения Руси. Нет сомнения, что в XI в. русскому читателю были уже известны: Евангелие, Апостол, Апокалипсис, а из ветхозаветных книг — Псалтирь, Пророки (известны в 1047 г.), а также другие книги, поскольку части их вошли в Паримейник. Поэтому трудно допустить, чтобы эти появившиеся у восточных (русских) славян памятники письменности, притом особо чтимой, не вызвали соответственного подражания и притом, скорее всего, в языке и стиле.

¹ См. мою статью «До питання про літературні джерела давнього українського літопису», Ювілейний Збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. II, 1929.

² В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Памятка феодальної України-Руси, XII в., Киев, 1926, Коментар (passim); К изучению «Слова о полку Игореве», Л. 1926, стр. 55—75; «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. Сборник в честь А. И. Соболевского, 1928, стр. 10.

Термин «стиль» употреблялся и употребляется в различных значениях. Здесь и ниже мы принимаем термин «стиль», как обозначение совокупности или, точнее сказать, системы изобразительных средств и приемов словесного творчества, сигнализирующей об эстетических потребностях того или иного класса; ясно, что при этом «модным» стилем — будет являться стиль, отображающий эстетические устремления руководящего в тот или иной исторический момент класса. В эпоху феодализма с преобладанием при нем духовенства, как носителя умственной, так называемой духовной культуры, — вполне естественно ожидать, что законодателем и «общепризнанным» образцом литературного вкуса — будет та литературная форма, в которую облечено содержание книг, обслуживающих потребности культа и служащих наиболее полно выражением его идеологических основ. Такая литературная форма была дана древней Руси библейскими ветхозаветными и новозаветными книгами, которые поэтому для историка древнерусской литературы являются отправным моментом при изучении древнерусской стилистики.

Не имея своей, выработанной веками культурной жизни, литературной речи, древние русские писатели были вынуждены в создании своего художественного языка идти вслед за готовыми его образцами, повторять их и приспособлять заимствуемое и создаваемое по этим образцам — к своим потребностям, к новым ситуациям, к условиям нового быта. При этом, однако, иногда язык и стиль древнерусских памятников оказывался до такой степени близким, даже порою тождественным с древнецерковнославянским, что при чтении их рождается мысль, не с югославянским ли памятником в русской копии имеем мы дело; таково, например, известное «Слово о законе и благодати» митр. Илариона. Обратимся ли мы к столь несомненно-русскому памятнику, как древнейшая летопись, — и тут, в ее рассказе найдем повторение словесного арсенала библейских книг, особенно исторических. Это особенно заметно в терминологии военного быта:

Полк: например, «полкъ израилев на Гавафон» 3 кн. Царств; «въ полцѣ силнѣ», там же.

Полчище: «въ полчище къ Исусу», кн. Ис. Навина.

Рать: «изиде на рать», Ис. Навина, «на рать минуша», там же; «и укрьши на ня рать», Исая; «егда бо узрят дѣломъ лжу сушу ваше прорицание, рать и сѣчь и плѣненіе», толк. на Иезек. 13, 11.

Труба: «Въструбите трубою . . . и не будет градушаго на рать» Иезек. VII, 14; «въструбите трубою», «въ трубы въструбять», и др.; кн. Сам.: «и въструби Юавъ трубою и сташа вси людье», 2 кн. Царств и др.

Хоругвь: «хоруговью възмахающе», кн. Суд.; «хоругви колѣна израилева», кн. Сам. и мн. др.

Мечь: «извлѣци мечь и убий мя», кн. Суд.; «падут высокои мечем, дубрава же съ высокими падется», Исаия; «крѣпции ваши под мечем падут и отнемогутся», там же; «все избраннии . . . мечем падут», Иезек.; «наострися мечь», там же; «се аз наведу на тя мечь», там же; «падоша все мечемъ», там же, а в толковании на Иезек. V, 2 — «мечь же ратных пришествіе являет и бышации от них сѣча, рассыпаніе и плѣненіе» и т. п.

Сабля: «се азъ на тя изъмъкну саблю свою не капи ея», «изидет сабля моя от капи своя», Иезек., а в толков.: «явѣ, яко саблю мученіе наречет», «аки саблю изъмъкну» и т. под.

Лук: «лукъ свой напряже», «напрягоша лукъ свой», «напряжетъ лукъ свой», Псалт.; лук и стрелы часто в кн. Царств и у пророков. Встречаем и другое названіе его, употребляемое и в летописи: «напряже рожаникъ свой», Плачь Иерем.

Наконец, целый перечень оружия разного рода — у прор. Иезек., XXXIX, 9: «и пожегут оружием, и щиты, и коции, и рожаникы, и стрѣлами, и издручьми, и лущами, раждегутъ ими огонь», Толк. прор. Мих. мон. № 1642, л. 229.

Наряду с этим отметим несколько выражений, ставших обычными в летописном повествовании: «приде в Иерусалимъ съ силою тяжкою зѣло», 3 кн. Царств; «посла царь асуриискъ . . . къ царю Иезекии съ силою тяжкою зѣло», там же, кн. 4, ср. обычное летописное «въ силѣ тяжцѣ». «Царь же южьскы сътворит с ним сѣчь силою великою и крѣпкою зѣло», Дан. В библейском выражении: «и повоюют на ню и возмут ю и пожегут огнем и грады нюдины», Иерем., — нетрудно увидеть прототип аналогичных летописных сообщений, как и в описании начала битвы: «иноземцы кликнуша и потекоша противу ему», кн. Суд.; «и сѣкоша град их мечем», Ис. Навина; «сѣчь велика зѣло», там же; изображение осады города см. у прор. Иезек., а поля битвы — у Ис. Навина.

Такую же военную фразеологию и словарь находим и в переводных исторических сочинениях, — в Хронике Амартола и в Истории падения Иерусалима Иосифа Флавия. Кое-что более искусственное в их языке в процессе дальнейшего роста художественного литературного языка — на русской почве не привилось, но главная масса прижилась и чрез историческую литературу, сложившуюся в первые века письменности на Руси, была донесена традицией до поздних времен, до конца XVII в.

Все сказанное выше можно было бы допустить а priori; но в целях уточнения роли стиля библейских книг в создании художественного языка светских лите-

ратурных памятников древней Руси, в частности «Слова о полку Игореве», — я произвел заново пересмотр этого вопроса, намеченного робко и неуверенно еще Грамматиным (1823), Дубенским (1844), кн. Вяземским (1875) и Барсовым (1887—1889), и односторонне решенного Барцом на основании библейского текста в новом русском переводе, лексически и стилистически отличающегося от древнего, который только и мог быть доступен древнерусскому писателю. В комментарии к «Слову» я привлек к сравнительному изучению Паримейник, 5 малых пророков, изд. Н. Л. Туницким, древнейшие списки Псалтири, Евангелия, Деяний и посланий апостольских и Апокалипсисе; кроме того еще нечто из древнейших копий со списка Толковых пророков Упыря Лихого 1047 г. Исторические ветхозаветные книги — Иисуса Навина, Судей, Книги Царств и Эсфирь были использованы по списку Гос. публ. библиотеки XIV—XV в. Q. I, № 2.

Изучение поэтического языка «Слова» в сопоставлении с лексикой и фразеологией древнего перевода библейских книг обнаружило заметное влияние этих последних на «Слово», и при том далеко не в меньшей степени, чем на стиль летописи. Стилистические и лексические параллели могут быть представлены в нижеследующем перечне (ссылки — на мое издание «Слова», цифры — лист и страница).

«истягну умь крѣпостію своєю» (1 в., 94) — «Богъ прѣпоясая мя силою», Пс. XVII, 33; «и прѣпоясая мя еси силою на брань», Пс. XVII, 40; «прѣпоясавшесе въ чресла помышления вашего», 1-е посл. ап. Петра, I, 13; «немощнии прѣпоясашася силою», кн. Суд., Сб. Собола., 11.

«наплънився ратнаго духа» (1 в., 94) — «исплънися духъмъ святымъ», Ев. Лук. I, 67 и др. (см. Комментарий).

«луди у нихъ напряжени» (2 в., 96) — «лукъ свой напряже и уготова», Пс. VII, 13; «напряжетъ лукъ свой, дондеже изнемогут», Пс. LVII, 8; «напрягоша лукъ свой», Пс. LXIII, 4 и др.

«Братіе и дружино»... (3, 97) и «мужаймѣся сами»... (11 в., 114) — см. соответствующее обращение к воинам Ис. Навина и речь Авессалома, 2 кн. Царств, Сб. Собола., 11.

«Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти» (3, 97) — «добрѣи ми бы умрети, нежели жити», Иона, Парим.; «луче бо благое творящи... муки примати, нежели злое творити», 1-е посл. Петра, III, 17.

«бѣды его пасеть птицъ» (3, 98) — «...смерть упасеть я», Пс. XLVIII, 15; «Господь пасет мя и ничесоже мене лишит», Пс. XXII, 1.

«расушася стрѣлами по полю» (4, 99) — «расушася кости их приадѣ», Пс. CXL, 7; «также и жидове рассушася от лица Христова», Толк. на Пс.

Перечень добычи (4 и 4 в., 99—100) — кн. Сам., Сб. Собола, 12.

«вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ» (5, 101) — т. е. предвещают поражение; ср. «и ураниша заутра и солнце восія на воды и видѣ Моавъ противу на водахъ, яко луча кровавы, и рече: кровь есть от оружья», 4 кн. Царств, Сб. Собола, 12.

«кликомъ поля прегородиша» (5 в., 102) — ср. «мужи израилеви . . . въскликнувше и гнаша съзади», кн. Сам., Сб. Собола, 12 и др.

«забывъ чти и живота . . . и своя милья хоти» (6, 103) — «всякъ, иже оставитъ братью, ли сестры, ли отця, ли матеръ, ли жену, ли дѣти . . . имене моего ради», Ев. Мф. XIX, 29.

«полѣлѣя отца своего между угорьскими иноходци» (6 в., 104) — «взяша и (ц. Амесиа) на конихъ и погребевъ бысть съ отци своими в Иерусалимѣ» 4 кн. Царств, Сб. Собола, 12.

«погыбашеть жизнь» (6 в., 104) — т. е. имущество; ср. «не оставиша бытія жизнянаго въ земли Израіля», кн. Суд., Сб. Собола, 12.

«слава на судъ приведе» (6 в., 104) — суд = смерть: «3-я часть скончяеться от нихъ божиемъ судомъ», Апокал.

«стрѣлы каленыя» (7, 105) — «стрѣлы твоя изострены», Пс. XLIV, 6; «стрѣды сильнаго изострены», Пс. CXIX, 6.

«пустыни силу прикрыла» (7 в., 106) — «вода покры . . . всю силу Фараонову», Исх., Парим. и др.

«усобица княземъ на поганя погыбе» (8, 107) — «и рать на нечестывыхъ погыбѣль», Притч. Солом., Парем.

«жѣля поскочи» (8, 107) — «желя велика есть» Быт., Парим.; «съ плачемъ и съ желею», Иовиль, 11, 12 и др.

«успиль . . . грозою» (9, 109) — «взиде гроза ихъ надъ всеми людьми», Есфирь, Сб. Собола, 12.

«в'змути реки и озеры, иссуши потоки и болота» (9, 109) — «ты расторже источники и потоки, ты иссуши рѣкы афамля», Пс. LXXIII, 15.

«опутоша въ путины желѣзны» (10, 111) — «вязахуть и ужі желѣзны и путы», Ев. Лук. VIII, 29; «зане многократы путы и ужі желѣзны съвязану сущю прѣтързахуся от него ужя желѣзна и пута съкрушахуся», Ев. Марк. V, 1; «и въведоша и въ Газу и оковаша и путы желѣзны», кн. Суд., Сб. Собола, 13.

«красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю» (10 в., 112) — по случаю победы; ср.: «изидоша дѣвы ликоствующе на срѣтении Давидови . . . е радостію и гусльми», кн. Сам., Сб. Собола, 12.

«съ могуты. . .» (11, 113) — «Вся цъсари и властели и могути», Пс. XII, 24; «да посадить я съ могутми людьскими», Пс., молитва Аннина.

«не дасть гнѣзда своего въ обиду» (11 в., 114) — «яко орель покрыеть гнѣздо свое, на птеньца своя въжажда простеръ крилѣ свои», Пс., Пѣснь прор. 2, 11.

«туга и тоска сыну Глѣбову» (12, 115) — «скърбя и туга на всяку душу чловѣка» Ап. Римл. 11, 9.

«затворивъ Дунаю ворота» (12 в., 116) — «заградихъ же море враты», Иов, Парим.

«главы своя подклониша» (13, 117) — «сынъ чловѣчьскый не имать где головы подклонити», Ев. Лук. IX, 58.

«не бысть ту. . .» (14 в., 120) — «Исуса не бысть ту», Ев. Ио. VI, 24 и др.

«тѣй клюками подпъръ» (15, 121) — «се истинною израильтѣнинъ въ немъ же клюки нѣсть», Ев. Ио., I, 47.

«снопы стелють головами» и т. д. (15, 121) — битва = жатва: «ангель изыде изъ церкви, въпяи веліемъ гласомъ къ сѣдѣщему на облацѣ: послѣ серпъ свой и пожни, яко приде часъ пожати, яко пеше жатва земьская», Апокал. XI, 111, а толкование поясняет, что эти слова означаютъ гибель грѣшнымъ; ср. у Иоила, III, 13, после призыва къ войнѣ: «испустите сръпы, яко прѣдстоитъ иманіе винограду, видѣте и перѣте, яко испльнь тѣскъ, изливаются подстави, яко умножишася злобы ихъ», а в толковании: «по семь же наричетъ сѣчь ихъ по винограднымъ иманіемъ.

«суда божія не минути» (15 в., 122) — «како ты избѣжиши ли суда божія», Ап. Римл. II, 5.

«по ковылію развѣя» (16 в., 124) — «и расѣя по тѣрнию и по былью», кн. Суд., Сб. Собола, 14.

«въ полѣ безводнѣ. . .» (17, 125) — «забудуши в пустыни безводнѣ», Пс. CVI, 4, и др.

«идуть сморци мѣглами» (17, 125) — «облаци і мѣглы от буря гоними», Ап., 11-е посл. ап. Петра, 11, 17.

«погасоша вечеру зоря» (17, 125) — «малъ часъ есть зорямъ, таче солнце въшедь угаситъ блѣскъ ихъ», Осия, XI, толков. ст. 4.

«въшумѣ трава». . . (17, 126) — «и вошумѣ земля и услышаша иноплеменници гласъ вопія», кн. Сам., Сб. Собола, 13.

«струи ростре на кусту» (18 в., 128) — «възмутъ рѣкы струги своя» (Парим.).

«грозу въсрожать» (4, 97) — поясняется библейским представлением о громе, как о гласе божьем, вещающем кару и гнев божий (см. данные, собранные в моем Комментарий к «Слову», стр. 177—179).

Таковы результаты стилистического сопоставления текста «Слова» с библейскими книгами, поскольку мы их имеем в моих последних работах. Но книги больших пророков мною были привлечены к сравнению лишь отчасти, поскольку они нашли себе место в Паримейнике. Не ограничиваясь последним, я их изучил в стилистическом отношении, пользуясь списком 1500 г., той же редакции, что и другие списки, восходящие к сп. Упира Лихого 1047 г.

Это — рукопись Киево-Михайловского мон. № 422 (1642), в лист и, судя по записи писца, Гриди подъячего, списана в 1500 г. (см. Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II, 1896, стр. 135). Остановим наше внимание на этой рукописи, ее составе и языке. Состав — такой: прор. Иосия — начинается с толкования на I, 8 (первый лист вырван еще до конца XVIII в., следы бывшей на нем заставки — на чистом листе перед текстом), занимает лл. 1—11 об.; Иоиль, лл. 12—16 об.; Амос, лл. 17—26; Авдий, лл. 26—27 об.; Иона, лл. 28—31; Михай, лл. 31 об. — 38 об.; Наум, лл. 38 об. — 42; Аввакум, лл. 42—47 об.; Софония, лл. 48—50 об.; Аггей, лл. 51—52; Захария — без толкований, лл. 52 об. — 60; Малахия — без толк., лл. 60 об. — 62 об.; Исаия — с толк., лл. 63—144; «Сказание Епифания Кипрского о именех пророчествъ»; Иезекииль с толк., лл. 145—247; Иеремия с толк., лл. 147 об. — 280, — только гл. I—II, 12, и XXV, 15 — XLV; Послание Иеремии без толк., лл. 280—283; Варух с толк., лл. 271—275 об. вкраплен в прор. Иеремии; Плач Иеремии без толк., лл. 276—283; Даниил без толк., лл. 283—303, но толкования отдельно, в конце, а текст пророка начинается с истории Сусанны. При всех пророческих книгах даются сведения об авторах их¹.

Текст, за исключением указанных пробелов, довольно удовлетворителен; писец кое-где ошибался и делал пропуски, но затем исправлял их и притом не всегда удачно; особенно много пропусков, восполненных на полях, в тексте прор. Исаии и Иезекииля. Так, напр., у Исаии вм. «възлюби желѣжцаа» исправлено «ле-

¹ Другие списки «Толковых пророков», восходящие к тексту, известному из списков с рукоп. Упира Лихого 1047 г.: Гос. публ. библ. I. I. 461, перв. пол. XIV в.; XV в. — Чуд. 182; Кир.-Белоз. 9/136; Гос. публ. библ. I. I. 460; I. I. 3.; Каз. дух. акад. 134; Сийск. мон. 17; Нямец. серб. I; Щук. 507, 1475 г.; Тр. лавры 63 и 90, 1488 г.; Моск. дух. акад. 20, 1489 г.; XVI в. — Чуд. 183, 184, 185; Рум. 28; Синод. библ. 117, 300, 303, 318, 557, 576; Увар. 334; Каз. дух. акад.; Солов. 135; Тр. лавры 89 и др., по указанию акад. М. Н. Сперанского.

жащаа» л. 130; или у Иезекииля — вм. «ни съ боязнию» исправлено «ни з бо-
лѣзнію»; или «отежу ти в памятьх своих» исправлено «в путех» и т. п.

На фоне обычного церковнославянского языка с неизбежными руссизмами в графике и фонетике и при наличии глубоких архаизмов в лексике и морфологии, отмечаем однако русские диалектологические особенности: Навуходоносор именуется то *Навходоносорь*, то *Науходоносорь* (Дан.), то *вселятся*, то *уселятся* (Иезек.), не *счнет*; мена *и* и *ъ*: пастуси израилевъ л. 217, пребѣдѣвшу царя 280 об.; *и* вм. *ы* злоби дѣля; спирант *ъ*, переданный писцом чрез *х*: съхраните храмины 254 об.; кроме того — *сесця* 278, не съ гнѣвом сего творимо 201, — формы, характерные для древних югозападных диалектов восточнославянской группы языков. А наряду с этим — явная, правда единственная особенность северно-великорусских диалектов: *ц* на месте *ч* «аки ластовица такожъ выщебею» (Ис., мол. Езекии), л. 113.

Этот старый перевод, которым могли пользоваться в древнейших списках наши читатели с начала XI в., стилистически значительно отличается от всех позднейших, и в особенности, конечно, от нового синодального перевода, может быть, уступа-
ющая ему в точности, но значительно превосходя его сжатостью, лапидарностью языка и выпуклостью образов. Приведу два примера, обнаруживающие различия древнейшего и новейшего перевода:

Древний перевод

Се Асуръ, купарисось въ дубравѣ,
добръ отрасльми и высокъ величествомъ и
часть кровьмь. и срѣду облакъ бысть
власть его. Иезек. XXXI, 3, л. 210.

И поставлю гору Свирь пуну оу-
стѣвшу и погублю от нея чловѣкъ и скоть
и мимохода и пищика. Иезек. XXXV,
7, л. 221 об.

Из этих двух случайно взятых примеров достаточно видно, что для разыска-
ния следов стиля библейских книг в «Слове о полку Игореве», как и в летописи,
нельзя пользоваться новым переводом библии.

Что же нового приносят для комментария к «Слову о полку Игореве» книги
больших пророков в охарактеризованной выше рукописи?

Новые данные — разного рода. Большая часть их, конечно, как и собранные
выше, указывают на зависимость лексики и словоупотребления «Слова» от библей-

Синодальный перевод

Вот Асур был кедр на Ливане
с красивыми ветвями и тенистою лист-
вою и высокий ростом, вершина его
находилась среди толстых сучьев.
Стр. 1019.

И сделаю гору Свир пустою и без-
людною степью и истреблю на ней прихо-
дящего и возвращающегося. Стр. 1024.

ских книг; кроме того мы найдем и несколько параллелей в употреблении образов. Мы исчисляем их ниже, но предварительно обратим внимание на одну подробность: на своеобразное совпадение тематического характера.

Темой «Слова» является поход русского Северского князя Игоря на врагов (половцев), кончившийся поражением его войска и бегством остатков дружины; навшие достались в пищу птицам и зверям. В соответствие этому в древнем переводе кн. Иезекииля читаем: «И придеши от мѣста своего, от конецъ сѣверска, тыи страны тобою, конница на коних вся, съборъ великъ и сила многа, и взидеши на люди моа Израйля, аки облаком покрыти землю, въ послѣдняя дни будетъ» (Иезек. XXXVIII, 15—16, Мих. № 1642, л. 227 об.). А далее, в следующей главе пророчество называет Гога — князем сѣверским: «Се азъ на тя, Гогъ, князя росьска, . . . и съберу и наставлю тя и възведу тя от конца сѣверска. . . И възведу тя на горы израилевы и истряну ражанікъ твой от руки твоея лѣвыя и стрѣлы твоя от руки твоея десныя и поражу тя на горах израилевах, и падеши ты и вси иже у тебе, и многы страны с тобою отдадутся в множество птичьско, всему парящему и веѣм звѣрем польским и[м] жеде ты отдах на изѣденіе; на лица полю падеши, яко азъ глаголахъ, глаголетъ Аданай Господь» (Иезек. XXXIX, 1—5, л. 228 об.). Такая же судьба постигла Игоревое войско, о чем вспоминает и автор «Слова».

Обратимся теперь к лексическим и стилистическим параллелям.

«Не лѣпо ли ны бяшетъ. . .» (1, 93), см. Коммент., стр. 134. Здесь с соответствующим значением («лѣпо» = пристойно) приведено из библейских книг только «лѣпо ли есть женѣ открьвеною главою молитися богови», Христ. Ап. 1 Кор. 11, 13. — Добавляем: «лѣпо есть обычай книжный вѣдѣти» толк. на Иезек. XVI, 55, л. 175 об.; «повражит и в ятрѣх хотя разумѣти, на кыя прежде лѣпо воевати», там же, л. 187 об.; «не вы есте подобни спасу, рече, но странам лѣпо есть цѣлбу приати», толк. на Иезек. XXXVI, 22, л. 223.

«растѣкашеться. . . сѣрымъ вълкомъ» (1, 93), «скачють, акы сѣрыи влъци. . .» (2, 96) и т. п. сравнения в Комментариях не были освещены библейскими параллелями; но у Иезек. находим такое изображение хищности и быстроты: «князи его среди его аки влъци въсхытающе въсхитанія», XXII, 27, л. 191.

«растѣкашеться. . . шизымъ орломъ» (1, 94); в Коммент. (стр. 137) указано: «орле высокое летаніе», толк. на Апокал.; «аще вознесешися яко и орля», Авдия, I, 4; в ст. о «Сл. и библ. историч. книгах» (Сб. Собол., 11) — «бѣста паче орла лгчае», 2 кн. Царств.; к этому теперь можем добавить такие сравнения: «окрилатѣют яко орли и не потрудятся», Исаия, XL, 31, л. 114 об.,

и «и быша гонящей ны паче орла небеснаго», Иерем. IV, 19, л. 279. Теперь — почему автор «Слова» сравнивает Бояна с орлом? Ответ на это находим в «сказании» на Иезек. XXXI, 6: «птицами съмысленѣйшая челоуѣкы наричет (пророк), аки крилата суша, а звѣрми иноязычныя страны назнамена», л. 210. Это толкование поясняет нам символику и других мест «Слова».

«а мои ти куряне . . . под трубами повити, под шеломи възлѣлѣяни, конецъ копия възкрѣмлени, . . . луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострены» (2, 96). В Комментарий не дано (стр. 155) библейских параллелей к этому описанию воинов, готовых к битве, кроме отдаленного места из Исх. (по Парим.). Ср. еще похвалу отличным воинам в кн. Судей и во 2 кн. Царств, Сб. Собола, 11. Главною чертою в изображении воинов в «Слове» является перечень их вооружения; поэтому останавливают на себе внимание следующие места: «И се скоро легцѣ придут, не възалчют ни трудятся, ни въздрѣмлются, ни постанут, ни распояшут поясъ своихъ от чрѣселъ своихъ, ни раслабятся възвузы сапогомъ ихъ. Стрѣлы остры сугъ ихъ, и роженци ихъ напряжени, ноги конемъ ихъ аки твердѣ камыкъ намѣвшася, колеса колесницамъ ихъ аки буря. Устремляются аки лви и предстаютъ аки лъвичища», Исаия, V, 26—29, л. 77 об.; при этомъ толкование Феодорита (там же) поясняет, что здесь подразумеваются римские войны: «В семъ словеси римлянску войну проповѣдаетъ» (ср. приведенное в Комментарий описание ихъ, данное Иос. Флавиемъ). Другая параллель — Иезек. XXXVIII, 4—5: «и съберу тя и всю силу твою, коня и конники обложены въ броня вся, соборъ много, шлемы и мечя и щиты вся имуща. . .», л. 226 об. — 227. Еще параллель с аналогичнымъ перечнемъ — в Паримейникѣ: «Облечеться въ брѣня правды, и възложитъ шлемъ судъ нелицемѣривъ. и приметъ же щитъ. непобѣдимы и прѣдѣбныи. поостритъ же гнѣвъ свой въ оружии и побореть с нимъ весь миръ на безумьники. і поидуть праволучныя стрѣлы мълнины. і яко окружена луна облачна на намѣрение летять. и от камень пращъ ярости испъланъ падеть градъ» Прем. Солом. V, 18—22, Пар. Новг. Соф. библ. XIII в., № 53, л. 30. Кстати отметимъ здесь, что аналогичное — символическое изображение воинского вооружения встречаемъ и в Алфавитномъ Патарике; пользуемся, к сожалению, позднимъ его спискомъ (К.-Печ. лавры, ближн. пещер, № 2, XVIII в., чемъ объясняются украинизмы, л. 12): «Рече авва Ирыней братіамъ: подвигомъ терпѣты браны. Воины бо есмы Христа царя небеснаго; и яко воины царя земнаго имѣютъ шлемы мѣдяны, тако и наше воинство имать шлемы — добрая дѣла; оны имѣютъ броня желѣзны, мы же имами броня духовны, вѣрою кованы; оны имѣютъ копия, мы же молитву; оны щиты, мы же на бога упованіе; оны имѣютъ мечы, мы же бога; оны во бранехъ кровь изливають, мы же усердіе принесѣмъ».

«а всядемъ, братіе, на свои бръзые конони» (3, 97). В Комментарии не дано библейских параллелей; в кн. «К изуч.» 63 — указано место из Иоиля, III, 9—11, имеющее лишь отдаленное тематическое, но не стилистическое сходство с данным. Указываем еще одно обращение к воинам, более близкое к «Слову»: «Еламите взяша тулы. Вьсядите челоувѣци на кони и съборъ плъчный, и будут избрани дѣбри твоа и наплънутся оружіа, и конници заступят врата твоа и открыют врата людина», Исаия, XXII, 6—8, л. 101 об., — место, кетати сказать, сильно отличающееся от синодального перевода.

«злато и паволокы и драгыя оксамиты» (4 v, 100) — перечень драгоценных вещей; в Комментарии библейских параллелей нет, но у пророков находим нечто подобное: «и съберет крѣпость вѣх людіи окрестъ злато и срьбро и ризы въ множество зѣло», Зах. XIV, 14, л. 59 об., и еще: «И отыметь господь славу ризъ их и красоты их, и въплѣтаніа златаа на главѣ, и трѣсны ризныа, и мѣсяця гривенныа, и срачиця тькиія, и красу личную, и състроение красы славныа, и обручи и прѣстени, и мониста и запястия и художнаа и усерязя и багряници и пребагрянаа, и утварь храмную, и свѣтнаа лаконьская, и синеты и червениця, и синету с златом претыкану, и тончиця прѣиманы златом», Исаия, III, 18—22, л. 73 и об.

«чръныя тучя съ моря идуть» (5, 101) — зловещий признак; в кн. «К изуч.», 65, указано «тучя грядеть», Ев. Лук. XII, 54, но смысл этого символа раскрывается в толковании на прор. Иезекииля: «Възрыдайте, оле, оле, яко близъ день господень и приближается день облака и время страньско будетъ», XXX, 3, а в «сказаніи» к этому стиху: «. . . дѣло же наричет бышаших мукъ время. облакъ же тму бывающую от печали и бѣды душам челоувѣческамъ», л. 208. Это пояснение раскрывает и значение распространенного народно-поэтического символа. Ср. ниже Иезек. XXX, 18.

«Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами» (5, 101). Ветер имеет определенное место и значение в библейской символике, означая нашествие врагов: «Вѣтръ южный съкруши тя въ сердци морьстѣмъ», Иезек. XXVII, 26, а в «сказаніи» на это место — «Вавилоняни югом наричет, ельма же югъ великы влны вѣставляет и буря бѣдны на плавающаа, того дѣля нашествіе ратных симъ наричет».

«своя милья хоти» (6, 103). В Комментарии дана цитата из Иезек. XVI, 15; в кн. «К изуч.», 64; — Осии II, 5, 7, 10, 12, 13; добавляем из прор. Иезекииля: «блужение твоє къ хотем твоєм», XVI, 36, л. 173 об.; «съберу вся хоти твоа», XVI, 37, а в «сказаніи» — «и самѣми тими хотми твоими вознаю тя»,

л. 173 об. и «съвокупно же к хотем твоим», л. 174; «предах ю въ руцѣ хотемъ ея», л. 192 и в «сказаніи» «какова ли хотїи ея злобь», л. 192 об. и к прор. «и видѣх, яко осквернися путь един обою» — «жидовскїи же люди наречет, акы жену съблудившу съ хотьми от своего мужа», л. 192 об.; «и съблуди Оола от мене и възложь на хоти своя», л. 192; «Се азъ выставлю хоти твоя на тя», л. 193 об.

«Тогда по русской землѣ рѣтко ратаеве кикахуть»... (6 в., 104) — подобное описание разоренной войною и опустевшей земли встречаем у Исаии и у Иезекииля, напр.: «Земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжены, страну вашу пред вами шуждїи поядят ю и опустѣетъ расыпана», Ис. I, 7, л. 65. Видя опустошение русской земли, где вместо ратаев хозяйничали голодные вороны, автор «Слова» мог вспомнить слова «сказанія» на Иезек. X, 6—8: «Се глаголетъ гнѣвъ являя свой. сего дѣля рече. дамъ лице свое на ня. По сем же паки рече. избывше от огня предани будутъ сѣчи и плѣненію и дѣлаемую ими землю пусту поставлю дѣлательем не сущем», л. 170 об.

«часто врани граяхуть, труція себѣ дѣляче, хотяче полетѣти на уедїе» (6, 104) и «дружину твою птицъ крылы прїодѣ а звѣри кровь полизаша» (14, 119). К этому в Комментариях указаны параллели из прор. Иова, 1 кн. Царств и Апокал. (стр. 208 и 287); в кн. «К изуч.», 65, — Ев. Лук. XVII, 37, и в Сб. Собола. — из кн. Самуила. Уже эти параллели свидетельствуют о широкой популярности этой картины. Но можно добавить и еще несколько подобных же из пророчеств: Иеремия говорит о князьях и вельможах — «дамъ я врагом ихъ и будутъ трупи ихъ ядь птицамъ небеснымъ и звѣремъ землянымъ», XXX, 20, л. 259; также — у Иезекииля, особенно любящего этот образ:

«звѣремъ землянымъ и птицамъ небеснымъ дахъ ты в яденіе», XXIX, 5, л. 206 об.; «и простру ты по земли и поля наплъются тебе, и посажду на тебѣ вся птица небесныя и насыщу отъ чреслъ твоихъ вся звѣри земляныя и повергу плоти твоя на горахъ и напою поля отъ крове твоея, и напитается земля отъ гноя твоего на горахъ и дебри наполню отъ тебе», XXXII, 4—6, л. 212, а в «сказаніи» на это место — «Егда ратными уловишися, безъ гроба ляжеша и насытиши птица и звѣрныя ютробы, и теченія крове твоея и гноя наплънятся поля и горы съ дѣбрьми», л. 212 и об.; «...се падутъ мечемъ сущїи въ опустѣвшихъ, и иже сущи на лица полянѣ звѣремъ польскимъ предадутся на изѣденіе и сушаа въ градѣхъ и иже въ пещерахъ смертію поража и дамъ землю на опустѣніе», Иезек. XXXIII, 27, л. 216 об.; наконец — «И имя же мѣсту прозвется паденіе многомужно, и очистится земля», «сказаніе»: «сице проповѣдавъ велить птицамъ и звѣрїи акы на пищу прїити многомъ»

сущем и без числа тѣлесем мертвых» Иезек. XXXIX, 16; «...рци всей птици парящи, къ всему звѣрїи польскому: съберѣтесе и придѣте, съберѣтесе от всѣх окрестнихъ», Иезек. XXXIX, 17, л. 229 об. Сходство в условиях войны было, несомненно, моментом, обусловившим притяжение этого библейского образа в повествование древнерусского автора.

«древо съ тугою къ земли приклонилось» (7 в, 106). В Комментарий (стр. 217) даны только народно-поэтические параллели, символизирующие печаль, причем происхождение их — невыяснено. У прор. Иезекииля можем указать аналогичное: «Съмрьчеса о нем (о ц. Египетском) дуброва и вся древа польская о нем раслабишася», XXXI, 15, а в «сказанїи» — «дубраву не горьскую наричет, но множество царства, и дресвы — князя сущая под нимь», л. 211 и об.

«пустыни силу прикрыла» (7, 106). Сначала о слове «сила» в значении «войско», как и в выражении «въ силахъ Дажьбожа внука» (= греч. δύναμις). К указанному в Комментарий, стр. 219—220, в кн. Исх. и Псалт., добавим: «се сила Фараоня, ишедшиа вам на помощь», Иерем. XXXVII, 7, л. 282 и «аще побїете всю силу халдѣйску», Иерем. XXXVI, 10, л. 282 и др. — Что касается «пустыни», то в Комментарий, стр. 219, предложено несколько значений этого слова, выясненных цитатами из прор. Исаяи, Михея, Осии и Апокалипсея. Наиболее распространенное значение — «пустое место», «степь»: «и въ градѣх твоих пустыню съворю и въ пустыню будеши», Иезек. XXXV, 4, л. 220; «наставлей ны въ пустыни, въ зѣ земли бесконечѣй неходими, в земли бесплоднѣй и безводнѣй» . . . Иерем. II, 6, л. 248, или — «в пустыни, въ земли несѣянѣ», Иерем. II, 2, л. 248; но в поэтическом, метафорическом языке «пустыня» могла иметь и иные значения: «беда» — «аки овцыа в пустыни» (ἐν ἄλῃφει), Мих. II, 12, и «ничтожество» — «положу тя въ пустыню и въ укоризну окрестным тебе», Иезек. V, 14, л. 155 об.; наконец — «язычники»: это значение находим в «сказанїи» к Иезек. XX, 9—10: «И съпрашаюся с вами ту лицем къ лицу. . . в пустыни егупетьстѣ» — «пустыню наричет людскы страны, яже бѣаху пусти божіа разума», л. 185, что всецело отвечает значению, в котором это слово употреблено в «Слове».

«усобица княземъ на поганыя погыбе» (8, 107). К этому месту Парим. дает сходное из Притч Солом.: «рать на нечѣстивыхъ погыбѣль», Комментарий, стр. 222, и в Апост., «К изуч.» 69—70. К слову «усобица» — см. Комментарий, стр. 206; добавляем к указанному там библейские параллели: к словам «И въздвигнется знаменїе въ страны и съберет погыбшаа израилевы» . . . Исаяя, XI, 12, читаем Феодоритово «сказанїе»: . . . «сего дѣля бо бысть им прѣвое добро и усобица».

бица в них присташа и рвеніи из них погыбоша и вражда вся изгнася от них», л. 92; в «сказаніи» того же на «Се владыко господь Саваоѡ отымет жидовскыя от Иерусалима». . . Исаия, III, 1, находим: «не сътвори бо их богъ, да будут сице зли, но могы убо възбранити имъ, юсобицу вьставити попусти имъ», л. 72.

«кликну кар'на и ж'ля поскочи по Руской земли» (8, 107). В Коммент. стр. 224, даны параллели из кн. Бытія и из прор. Иоиля. Слово «желя» с производными широко употребляется в библейском языке; примеры: «къ вечеру будет желя и прежде заутрины», Исаия, XVII, 14, л. 99 об.; «и обращу желю их на радость», Иерем. XXXI, 13, а в «сказаніи» читаем — «желя премънится на радость покаяніем», л. 254, и немного ниже: «Гласъ въ Рама слышяся, желя и плачь и въплъ», Иерем. XXXI, 15, л. 254. Это же сочетание, напоминающее «Слово», встречаем и в другом месте: «И призна господь Саваоѡ въ тѣй день и плачь и желю и обрьсеніе и препоясаніе въ яриги», Исаия, XXII, 12. Наряду со словом «желя» («жъля») — производные: . . . «въздыханіе жельныхъ чресль есть», Иезек. (XXI, 6?), а в «сказаніи» — «желю же чрьслъную наричетъ, имъ же помысль мужескый плода от чресль исходитъ», л. 197, или там же, в «сказаніи» — «еже есть обычай творити жельнымъ», л. 197; «ему ни плакатися, ни жельныхъ образъ взяти», л. 197 об.; в «сказаніи» — «царіе сихъ печялю истуживше си вѣнца сановныя повръгуть, и красную зѣло ризу съвлекут съ себе и весь жельный образъ възмут, боящесе тожде под'яти», л. 200 об.; «съвлеци, Иерусалиме, ризы жельныя», Варух, V, 1, л. 275; «путіе Сиона желбють», Плачь Иерем. I, 4, л. 276; «и упишися и ужелбѣши», там же, IV, 21, л. 279 об.; «В ты дни азъ Давидъ бѣхъ желбѣя», Дан. X, 2, л. 297 об. Не лишнее отметить, что слово «желя» с производными в библейских книгах употребляется едва ли не чаще, чем в русских памятниках, например, в летописи.

«а жены Рускыя въсплакашася» (8 v, 108). В Комментарий библейских параллелей нет; но можно привести из пророчества на поражение царя Египетского: «дщери странскы восплачутся по нем и по всей силѣ его всплачутся», Иезек. XXXII, 16, л. 213.

«И падесе Кобякъ въ градѣ Кіевѣ» (9, 109). В Комментарий параллелей нет; приводим соответствующие выражения, изображающие гибель побежденного врага: «и обломися въ ярости и на землю повержень бысть», Иезек. XIX, 12, л. 182; «Въ день паденія твоего. . . и пловци моретїи на земли падут, . . . и вскрпчатъ горцѣ и всплѣют персть на главы своа» Иезек. XXVII, 27—30.

«Кають князя Игоря» (9, 109). К этому месту укажем «сказаніе» к Иезек. V, 14: «много и се зѣло горцѣ печялю, егда ся живущїи сусѣди поемѣ-

хают погыбели и опустѣніи» и далее: «якоже всеѣм пагубу твою плакаться тебе и въздыхати по тебе», там же, л. 156.

«иже погрузи жиръ во днѣ Кааилы рѣки. . .» (9, 110). «Погрузить» = утопить, погубить; в Комментарий библейских параллелей не дано, однако в пророческих книгах их немало, напр.: «сердце мое смятется я незаконіе погружает мя», Исаия, XXI, 4, л. 104; «и аки водотечь погружаа славу страньску», там же, LXVI, 2, л. 143; «Въ день гнѣва своего и ярости погрузи господь, неощадѣ всеѣх красных яковль», Плачь Иерем. II, 2, л. 277; «Бысть господь аки врагъ, погрузи Израиля, погрузи вся сыны его», там же, II, 5, л. 277 и др.

«уныша бо градомъ забрала» (9, 110). В Комментарий приведено аналогичное — «плачите выниюще врата градная», из Исаии (Парим.). У Иеремии находим более подходящее место: «Възми сердце их къ господеву, забрала Сионя да излѣют, яко водотѣчїа, слезы день и ночь», Плачь Иерем. II, 18, л. 278. — К слову «забрала» указано лишь соответствие у прор. Амоса — «послю огонь на забрала Турова», I, 10; у других пророков это слово рассеяно повсюду, особенно у Исаии, L—LIII, напр. «и възградят иноплеменници забрала твоя», л. 135; в «сказаніи» к Иезек. XXIII, 22 — «забрала град твоих разбѣются», л. 193 об.; «забрала твоя и суны разорить оружіем своим. . . и рассыплет забрала твоя», Иезек. XXVI, 4 и сл., л. 200; и повторено в «сказаніи» — «забрала твоя разорят», л. 200; «и сила твоя на забралѣх окрестъ бѣша, но и миди въ сунѣх твоих бѣша стражіе, тулы своа обѣсиша на забралѣх твоих окрестъ», Иезек. XXVII, 11, л. 202; «сынове людїй твоих глаголють о тебѣ у забралѣх», Иезек. XXXIII, 30, л. 217; «раскопанїи забралы утверждени сташа», Иезек. XXXVI, 35, л. 224; «рече господь богъ. . . о храмѣх царя иудина растрзынанных, на острогъ и на забрала», Иерем. XXXIII, 4, л. 257 об.; «съкруши в руцѣх вражіи забрала града ея», Плачь Иерем. II, 7, л. 277 об.; «и съградатся широтѣи забрала», Дан. IX, 25, л. 297 об. и др.

«а веселїе пониче» (9 v, 110) — не имеет параллелей в Комментарий, но та же тема затрагивается в пророчестве, особенно в связи с предыдущим: «Расыпая радость сердце наших, избраннїи от пѣсней своих умлѣкнуша, обратися в желю лїкъ нашъ; о семь померкнуста очи наши по горѣ Сиони, яко погыбе: лисици проидоша ю», Плачь Иерем. V, 15—18, л. 280.

«А Святѣславъ мутенъ сонъ видѣ» (9 v., 110). К объясненію этого сна в Комментарий (стр. 238—259) собран большой материал; отчасти использованы и библейские книги — Быт. XL, 41, Суд. VII, 13—15, Дан. II, IV, VII, Деян. XV, 9; можно добавить еще нечто о вере в значение снов из Дан. I, 17, л. 285 об.

и Иерем. XXIX, 8—9, где предлагается не верить разгадкам снов, даваемым волхвами, л. 251 об.

«въ Кіевѣ на горахъ» (9 v, 110). Определение места действия «на горахъ» — любимое выражение библейских книг, встречающееся часто у пророков, особенно у Иезекииля: «распасу я на горахъ израилевахъ», XXXIV, 13, л. 218, и ранее; «напасутся на горахъ израилевахъ», XXXIV, 14, л. 218 об.; «в горахъ израилевахъ князь единъ будетъ», XXXVII, 22, л. 266 и др.

«бѣша дѣбрь» (10, 111). В Комментарий (стр. 253) даны примеры употребления слова «дѣбрь» в Ев. Лук. III, 5, Исаяи, XL, 4 и Зах. XIV, 15 (по Парим.); приводим текст Зах. по сп. Толковых прор., где яснее видно значение этого слова: «и разведется гора Елеонская, полъ ея къ востоком и полъ ея къ морю, пропадъ велиа зѣло, и уклонится полъ горы на сѣверъ и полъ ея на югъ, дѣбрь велиа. И зашыплется дѣбрь горняя ти къ прилежащи прильплет дѣбрь горняя, ти и до Насса», XIV, 4—5, л. 59 и об.

«Уже снесеса хула на хвалу» (10 v, 112). К этому месту в Комментарий (стр. 263), указаны параллели в Псалт. CI, 9 и у Осии: «славу ихъ въ бещетіе положу», IV, 7; добавим здесь аналогичные выражения других пророков: «Видѣвше врази его посмianiaся въ преселеніе его», Плачь Иерем. I, 7, л. 276 об.; «Въсплескаша о тебѣ вси минующи по пути, позвиздаша и покываша главою их, о дщери ерусалимли, рекуще, се ли градъ вѣнецъ славы, веселіе всея земля. Отверзоша о тебѣ уста своя вси врази твои, позвиздаша и поскрежыташа зубы», Плачь Иерем. II, 15—16, л. 277 об.; «смѣхъ быхъ всѣмъ людемъ, пѣснь ихъ весь день», Плачь Иерем. III, 14, л. 278 об.; «и быти поносу языку въ устѣхъ и въ укоризну въ странахъ», Иезек. XXXVI, 3, л. 221.

«нъ нечестно одолѣстесея» (11, 113). Сходных библейских мест в Комментарий не указано; в пророчестве о нечестивом князе Тира читаем: «Възнесея сердце твое доброты дѣля твоея, истлѣ хитрость твоя съ добротою твоею множества дѣля грѣха твоего. На землю повергохъ тя, предъ царя дахъ тя обличити», Иезек. XXVIII, 17, л. 205, а в «сказаніи» на это место — «многу бо злобу сътвори, вышняаго отпаде лика, а далѣ падъ въ посмiania бысть всѣмъ», л. 205 об. Стилистически эти слова ничего сходного со «Словом» не представляют, но тематически сходны, особенно если примем во внимание покаяние Игоря — в летописи.

«Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъъ» (13, 117). Пояснение этого образа имеем в двух местах у прор. Иезекииля: «И в Тафнесѣ посумрачится день, егда съкрушатъ ту хоругви египетскы и погыбнетъ ту укоризна крѣпость его. Того же покрыетъ облакъ и дщери его въ плѣненіи отведутся», XXX, 18, и в «сказаніи» —

«. . . въ Пафиасть посумраченіе дни сѣмь являя бывающую тму от печали. Сего дѣля бо, рече, яко покрыеть я облак впадающая в бѣды; не такожде бо видят свѣтъ сущей въ печали, ти бо мнят и денію въ сумрацѣ сущей», л. 209; немного ниже — о смерти фараона: «И покрыю небо, егда угасеши, и помрачу звѣзды его, слънце въ облацѣ прикрыю и мѣсяць не просвѣтит свѣта своего; вся свѣтла небесныя помрачу на тя и дам тму на землю твою», Иезек. XXXII, 7, а в «сказаніи» — «не вещь сему глаголетъ быти, но уловленіем печальных, сущи бо в печали темнѣйше день нощи мнят», л. 212 об. Сжатое выражение «Слова» вполне раскрывается этимъ объясненіем.

«древо не бологомъ листвіе срони» (13, 118). Паденіе листьевъ — знак печали. В Комментаріи (стр. 282) приведено: «буду яко садъ отметнувшѣ своя листвія», Исаия (Парим.); паденіе листьевъ — провозвѣстіе гнева божія: «съвьеться небо, акы свитокъ и вся звѣзды спадут, акы листвіе с лозы и яко же спадаетъ листвіе съ смоквичія», Исаия, XXX, 4, л. 110, и ниже (повидимому, в «сказаніи» к LVI, 3) сравненіе: «отпадохом акы листвіе безаконія дѣля нашего», л. 140.

«Унылы голоса трубы трубятъ Городеньскіи, пониче веселіе» (14, 120); «Уныша бо градомъ забралы а веселіе пониче» (9, 110). В Комментаріи (стр. 288) библейскихъ параллелей не указано. Почему трубы трубятъ уныло? Можетъ быть, оплакывая поражение Игоря, или гибель кн. Изяслава, о которомъ передъ этимъ говорится? Ни то, ни другое; ответъ — в прор. Иезек. XXXIII, 2: «И речеши к нимъ: земля, на нуже азъ аще наведу мечъ, ти поймутъ людіе земля челоувѣка одинаго от себе, и поставять и стражъ, ти узритъ мечъ грядущій на землю, ти въструбитъ трубою, ти проповѣсть людемъ, ти послушаетъ слышавый трубу, ти не снабдится, ти найдетъ мечъ, ти постигнетъ и, кровь его на главѣ его будеть (и тѣйже яко снабдѣ, душу свою избави)», л. 214 об. Такимъ образомъ трубы трубятъ не в знак печали по свершившемся несчастіи, а в знак приближенія врага. Еще несколько параллелей ко второй цитатѣ из «Слова»: «И вси видящей тебе въ странахъ уныли будутъ», Иезек. XXVIII, 19, а в «сказаніи» — «сего дѣля уныли будутъ присно и с тугою». . . л. 205 об.; «весь сонъ твой средѣ тебе паде и вси весельници твои и вси живущей въ островѣхъ уныли будутъ по тебѣ», Иезек. XXVIII, 35, л. 203 об.; «престало есть веселіе и бубнь престалъ есть. . . престалъ есть гласъ гусленый, и срамшася. не пиша вина, грѣка бысть оловина піющимъ, опустѣша вси гради», Исаия, XXIV, 8—10.

«пригвѣрку смысленый рече» (15 в, 122). В Комментаріи (стр. 300) указаны случаи употребленія слова «смысленый» у прор. Осии и в в «Сб. Собола.» — в 3 кн. Царств. Добавимъ: «Како речете царю сынове съмысленныхъ», Исаия, XIX,

41, л. 100; «и съмыслени людіе смыслят много и отнемогутся въ мечи», Дан. XI, 33.

«Тяжко ти головы кромѣ плечю»... (19, 129). В Комментарий (стр. 326—328) библейских параллелей нет, но следует обратить внимание на толкование к Иезек. XX, 6: «старѣйшины дому израилева кѣждо къ своимъ ужикамъ их смятошася въ тобѣ, да пролѣбють кровь», в «сказаніи» же — «главѣ бо болящи нужда и тѣлу всему приати болѣзнь», л. 189 и об.

Какие выводы позволяет нам сделать собранный выше материал? Не раз уже я обращался к древнеславянскому переводу библейских книг, и каждый раз, с розысканием нового материала, в зависимости от него мои выводы должны были претерпевать некоторые изменения.

Так, подводя итоги наблюдениям над случаями стилистического, а в большей мере — словарного сходства, в статье «Слово о полку Игореве и Библия» (в кн. «К изуч.», стр. 74), я определенно высказал свою мысль. «Мы, писал я, конечно далеки от мысли утверждать, что автор «Слова» писал свою поэму, подражая библейским книгам. Но вместе с тем он не мог и избѣгнуть их воздействия», — прежде всего в отношении языка, а затем — в области воззрений и верований, предопределивших использование некоторых библейских композиционных элементов в «Слове». Книги поэтического характера, но по преимуществу, как, например, Псалтирь, Паримейник, Апокалипсис — со всем своим складом речи врезывались в память читавших и слушавших, особенно когда их изречения были изложены образно. «Талантливый автор «Слова», много заимствовавший, видимо, из традиции Бояна и воинских повестей, кое в чем использовал и знакомую ему библейскую литературу, но только в весьма ограниченных размерах, усвоив немногие поэтико-синтаксические детали и словарь». Но позже я позволил себе выразиться несколько решительнее. Заканчивая статью «Слово о полку Игореве и исторические библейские книги» (Сб. Собол., стр. 14), я писал об авторе «Слова»: «для нас несомненно, что этот автор в своем творчестве, как и летописец, шел в колею стилистических приемов, данных библейскими книгами, используя не только детали, но и крупные композиционные единицы, встречавшиеся в богатой и разнообразной библейской письменности».

Пересматривая теперь новые данные, извлеченные из пророческих книг с толкованиями, дошедших до нас в древнейшем славянском переводе, известном во многих списках, — я позволю себе еще несколько расширить мои выводы. Теперь для меня ясно, что кроме библейской лексики, кроме отдельных, случайных художественных образов, кроме отражения библейских воззрений и верований, —

в «Слове» нашли себе место и другие библейские мотивы, которые по своему содержанию были в том или ином отношении близки творчеству автора «Слова».

Ряд словесных формул, употребленных в «Слове» на подобие библейских, например, зачин с «лѣпо», «лѣпо ли», «луци напряжени», «божий суд», «желзныи путы», «главу подклонити», «затворити ворота» и пр., а равным образом ряд сравнений, общих библейским книгам и «Слову» — сравнение с волком, с орлом, с птицей, охраняющей гнездо, покрывая крыльями птенцов, и т. п. — не оставляют места сомнению в том, что автор «Слова» творил в пределах стиля, данного определенной литературной традицией, притом традицией, коренящейся в библейской письменности. К этому же заключению приводит и наличность в «Слове» таких образов-символов, которые также были известны русскому читателю уже с XI в. из библейских книг, напр., образ битвы — жатвы, облака — грядущей печали, разъясненный толкованием на пророка; образ склонившегося в знак печали дерева, образ плачущих в унынии забрал, поникнувшего веселья, падающих от печали с деревьев листьев. Не только смысл отдельных слов, употребленных в «Слове» может быть правильно истолкован на основании изучения семантики библейского языка (напр. «жалость» = рвение, ревность, «жирь» = богатство, «жизнь» = имущество, достояние), но и ряд поэтических выражений получает свое истинное значение — лишь при освещении их параллелями из библейского текста и толкований на него, также известных на Руси с XI в., а может быть и ранее; так объясняется «ветер», — знаменующий нашествие врагов; значение «пустыни» — языческого народа; «жели» — плача и скорби; «кровавых зорь» — вестников поражения; угрожающего «шума травы» — тревожного знака; «унылого голоса труб», — как вестника угрожающего нападения врагов; «угасания света» для кв. Игоря. Также, наконец, повторяют в значительной мере библейские мотивы и такие, казалось бы бытовые, детали «Слова», как изображение смелых воинов, приглашение сесть на коней, обращение к дружине, перечень богатой добычи, описание опустевшей земли — без делателей — ратаев; хищные птицы, поедające трупы павших; изображение плачущих жен, торжествующего победу пения «красных дев»; смена хвалы на хулу.

Все это, а также совпадение плана первой части «Слова» с эпизодом у прор. Иезекииля о русском северском князе, погубившем войско и давшем его на съедение птицам и зверям, — невольно наводит на мысль о более чем случайном и только лексико-стилистическом воздействии библейского повествования на ученика и последователя Бояна. И невольно мы приходим к мысли, не находим ли мы и здесь того же, что и в древнесеверном эпосе, где роль библейского влияния можно считать неоспоримой.

Вместе с тем вышеприведенные сравнения позволяют нам заключить, что мнение многих исследователей об обилии «народно-поэтических» образов, заключающихся в «Слове» — значительно преувеличено: кое-что из явлений этого рода (битва-жатва, сравнения с волком, орлом и др.) находит себе объяснение в древнем переводе библейских книг, т. е. имеет книжное происхождение.

5 II 1930.

Вл. Перетц